

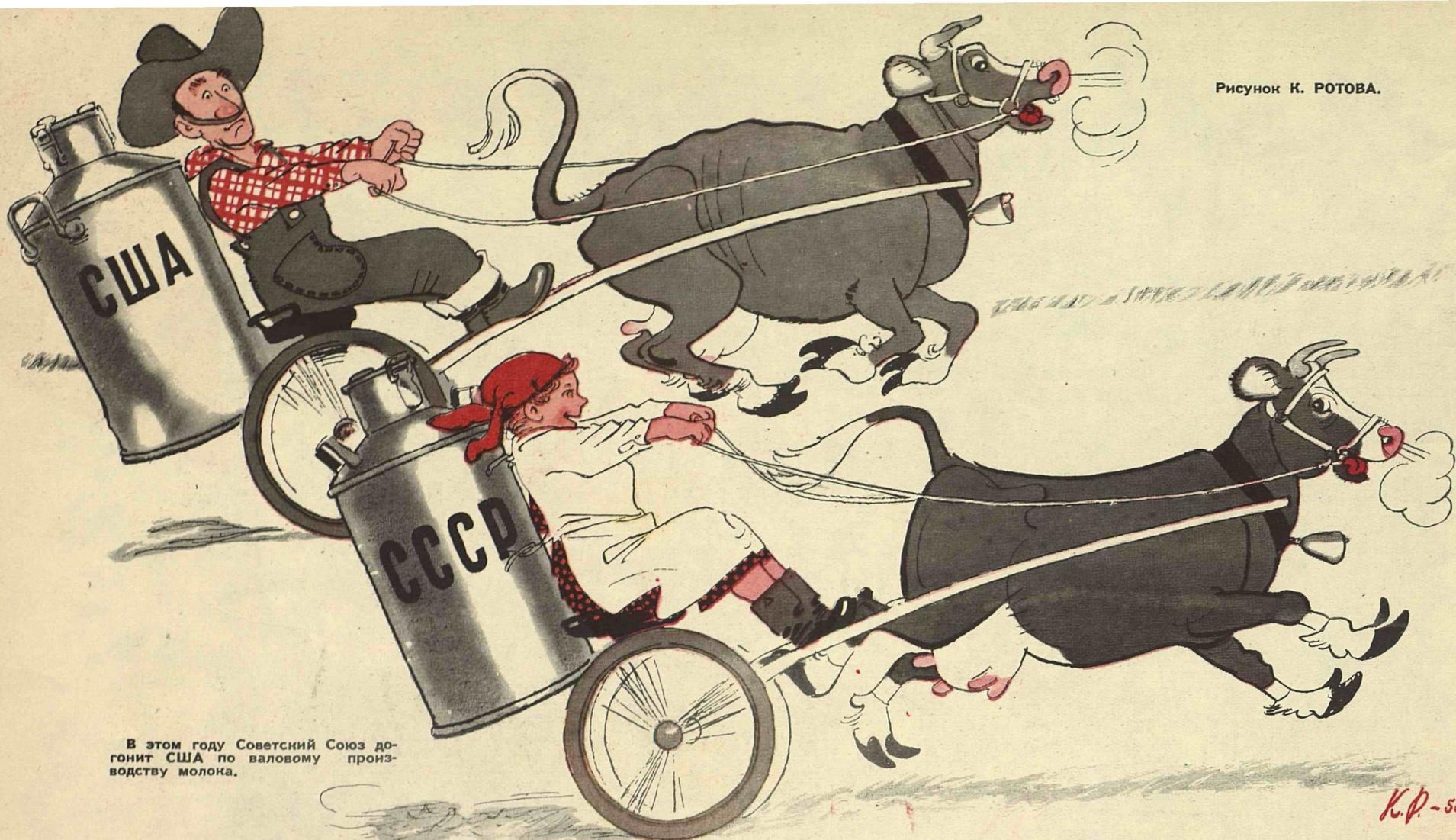

Дор. Еришлов - 58.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

— ДАВАЙТЕ, ГОСПОДА, РАСКРОЕМ НАШИ КАРТЫ!..

КРОКОДИЛ

В этом году Советский Союз догонит США по валовому производству молока.

ДЕРЖИСЬ, КОРОВА ИЗ ШТАТА АЙОВА!

КОРЕННОЙ НЕДОСТАТОК

Ходил-бродил по Москве человек. Судя по обличью и пестрому галстуку, иностранец. Судя по надменному виду, американец. Судя по всему, не из бедных.

Его можно было видеть на Красной площади. Как и все, он щелкал затвором фотоаппарата: снимал на память древний храм Василия Блаженного.

Потом он стал смотреть на ГУМ. Щелкнул аппаратом и спросил через переводчика у прохожего:

— Скажите, пожалуйста, кому принадлежит этот большой магазин?

Прохожий улынулся, думая, что иностранец шутит.

— Это ГУМ. Государственный универсальный магазин. Понимаете, государственный...

— Понял,— ответил иностранец, но по его глазам было видно, что он ничего не понял.

Потом его можно было видеть возле Московского автозавода имени Лихачева. Он стоял и смотрел на трубы завода. И снова спросил у прохожего:

— Кому принадлежит это предприятие?

Прохожий удивился, но все же ответил:

— Это государственная собственность. Понимаете, общенародная...

— Понял,— ответил иностранец, но по его глазам было видно, что он ничего не понял.

Вот так он и жил некоторое время в Москве: ходил, спрашивал и ничего

не понимал. А как только вернулся к себе за океан, стал специалистом по советской экономике.

А на таких «специалистов» в американской прессе сейчас огромный спрос. Прямо-таки колоссальный спрос. Надо же как-то объяснять читателям, что такое новый советский семилетний план! То все были пятилетки, а тут семилетка. Новое. Надо, значит, по-новому и объяснять. Это не двадцать пять лет назад. Тогда было просто: «Бредни!», «Утопия!». Сейчас так не крикнешь. Какие там, к дьяволу, бредни, когда у русских атомные электростанции, атомный ледокол, межконтинентальные ракеты, спутники!

И редакции лихорадочно ищут специалистов по «русским делам», и по советской экономике в особенности.

И, конечно, в спешке хватают кого попало.

Схватились и за того самого джентльмена, что ходил-бродил по Москве, смотрел и ничего не понимал.

И вот в газете «Нью-Йорк геральд трибюн» появилась статья «Фатальные недостатки советского капитализма». Всех перлов этого шедевра экономической мысли приводить не стоит: они из стандартного набора антисоветских выдумок и прямой клеветы. Но одно изречение автора обращает на себя внимание.

Видно, не напрасно автор ходил-бродил по Москве и справлялся, кому

принадлежат магазины и заводы. Слово «государственный» так поразило его, что он взял и объявил, будто экономическая система Советского Союза является «превосходным примером государственного капитализма», а все не является социалистической.

Взяв, так сказать, быка за рога и дав анализ экономической системы Советского Союза, автор начинает размышлять на тему, выполним ли новый семилетний план.

Оказывается, что этот план безусловно невыполним. И только потому, что «в русской системе полностью отсутствуют возможности предпринимательства». Все, дескать, в коммунистической России есть: природные богатства, специалисты, передовая наука и техника... Не хватает только одного: капиталистов. И автор утверждает: «Я предсказываю, что кампания русских за обеспечение своего превосходства в области экономики в конечном счете разобьется о скалу этого коренного недостатка».

Если бы все это написал какой-нибудь газетный поденщик, зарабатывающий на пропитание брехней, можно было бы не удивляться. А ведь это сочинил Филип Д. Рид, солидный человек, председатель компании «Дженерал электрик», приезжавший в нашу страну в качестве члена американской делегации энергетиков.

Нет, напрасно Филип Д. Рид ходил-бродил по Москве, выискивая наш «коренной недостаток». Ничего он все равно не понял. И в этом его коренной недостаток. Без кавычек.

Арк. ВАСИЛЬЕВ

ПЕРВОБЫТНЫМ СПОСОБОМ

Давным-давно какой-то первобытный человек (видимо, он был не из храброго десятка) изобрел «верный» способ уничтожения противников. Надо было нарисовать или вылепить изображение своего врага, а потом проткнуть это изображение стрелой, разбить каменным топором, сжечь, растоптать — словом, каким-либо образом ликвидировать. Предполагалось, что в результате этой операции точно такая же участь постигнет не сегодня-завтра и самого противника.

Интересно, что поклонники указанного метода борьбы существуют и в наши дни.

Сейчас в связи с проектом семилетнего плана развития народного хозяйства СССР редакторы некоторых американских газет публикуют пространственные статьи, которые одним махом «ниспровергают» всю советскую экономику, как это сделала, к примеру, газета «Нью-Йорк геральд трибюн» (см. на соседней странице фельетон «Коренной недостаток»).

Другие же, наоборот, помещают художочные сообщения, состоящие только из пяти—шести строчек мелкого шрифта. И к тому же загромождают эти сообщения в самые дальние и укромные газетные закоулки, чтобы не очень-то советский план привлекал к себе внимание американского читателя и не давал ему пищу для разных нежелательных, с точки зрения Вашингтона, размышлений.

Последний рекорд принадлежит нью-йоркской газете «Дейли миррор». Она упрятала сообщение из Москвы о советском семилетнем плане на двадцать вторую полосу.

Однако, как и можно было предвидеть, от этого контрольные цифры развития нашего народного хозяйства нисколько не сократились и вообще не пострадали.

В связи с этим следует ожидать, что редакторы «Дейли миррор» предпримут более решительную атаку на советский семилетний план. Они, наверное, напечатают контрольные цифры на самой последней странице самым микроскопическим шрифтом, а потом, бормоча антисоветские заклинания, предадут весь тираж газеты огню...

Рисунок Бориса ЛЕО.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

В 1965 году количество телевизоров увеличится на двенадцать с половиной миллионов.

Лес в лесу.

Берхаир АМАНШИН

Попробуй написать об этом

(Письмо друга-тракториста)

Ты написал о целине!
В газете встретил твой стишок,
И тут же захотелось мне
Кой-что сказать тебе,
Дружок.

Ты лишь читал,
Ты лишь слышал
О нас,
Ребята молодых,
Кто эти земли распахал,
Пшеницу вырастил на них.

А сам не видел эту степь,
Ни разу ты не посмотрел
На те места,
Где вырос хлеб,
Который ты сегодня ел.

От жизни нашей ты далек.
Признайся,
Есть такой грешок!
Ты на тахте своей прилег,
Из пальца высосал стишок.

А как бы ты,
Мой друг,
Запел,
Хотелось поглядеть бы мне,
Когда б ты сам на трактор сел
Вот здесь,
В степи, на целине!

Да чтоб в пути заглох мотор,

А рядом —
Ни души живой,
А вьюга хлещет,
Бьет в упор
Колючей крупкой снеговой.

Поднять нам первым довелось
Пласты земли среди ковыля.
А сколько пота пролилось
На эти нивы и поля!

Взгляни:
Колосьям нет числа.
Знать, рядом с каждым колоском
И капля пота проросла
И тоже стала стебельком.

На нивы утром бросишь взгляд —
Вдали горит зари огонь,
Колосья тронуть норовят
Твою шершавую ладонь.

Как будто руку им твою,
Как другу,
Хочется пожать...
О, если б ты в моем краю
Сумел однажды побывать..

И если б сам до темноты
Трудился ты в полях моих,
То стал бы здесь поэтом ты,
Свой лучший написал бы стих.

Перевел с казахского
Владимир СЕМЕНОВ.

1959—1965

СНИЖЕНИЕ цен

СНИЖЕНИЕ себестоимости продукции

СОКРАЩЕНИЕ рабочего дня

СОКРАЩЕНИЕ сроков строительства

СОКРАЩЕНИЕ управленческих расходов

БИЗНЕСМЕН: — Какой же это подъем и рост! Я вижу здесь сплошное снижение и сокращение!

Рисунок М. УШАЦА.

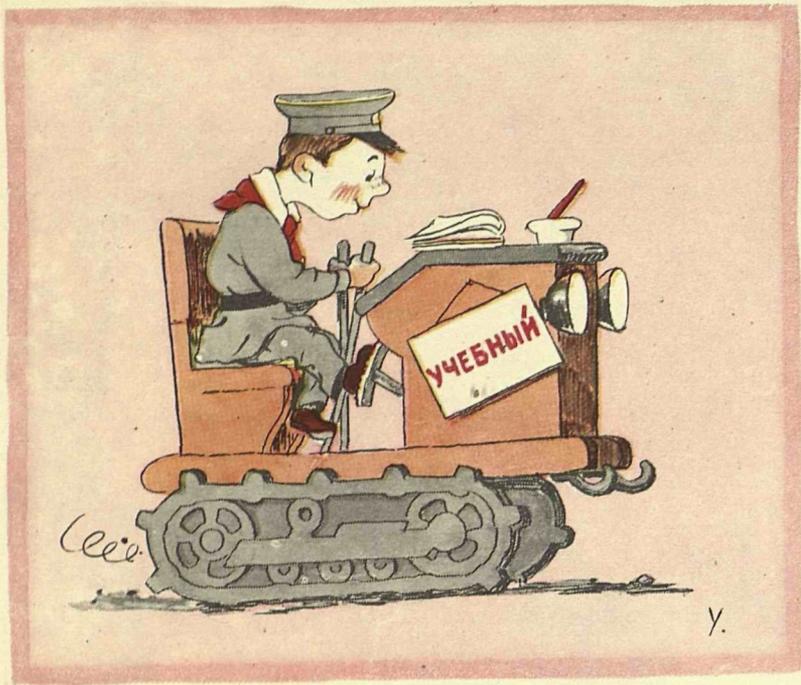

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

В Сибирь, на край света!

Край света...

ОТ ЩЕДРОТ СВОИХ...

В советской школе новые перемены. Большие, знаменательные перемены, приносящие радость мальчикам и девочкам, папам и мамам... Впрочем, не только им. Есть и еще категория людей, которая кровно заинтересована в том, чтобы школьники быстрее учились пилить, сверлить, строгать, выращивать телят, — короче говоря, приобщались к общественно полезному труду. Мы имеем в виду уважаемых директоров предприятий, шефствующих над школами.

Бывало, раньше кое-кого из них на аркане не затащишь в школу. А теперь...

Недавно директор Воскресенского химического комбината Николай Иванович Докторов пожаловал в 1-ю среднюю школу с разнообразным оборудованием для химических кабинетов. Михаил Михайлович Тарасенко, директор Павшинского механического завода, собственноручно вручил учащимся богатое оборудование для физического кабинета. Руководители серпуховских предприятий подарили школьникам гаражи, автомашины, оборудовали механические мастерские и построили теплицы. Словом, повернулись лицом к своим подопечным школам многие шефы. Но, к сожалению, бывает еще и так:

ДАРЫ БОГАТЫХ ДЯДЕЙ

— Ну, дети, радуйтесь! Отныне вы будете приобщаться к труду! — торжественно произнес заведующий мастерскими московской школы № 468 В. С. Колесов. — Наш дорогой шеф, директор завода «Платино-прибор» Мария Ивановна Панферова, прислала нам слесарное оборудование. Ура Марии Ивановне!

Ребята, запрыгав от радости, громко закричали «ура» и устремились на улицу, где стоял самосвал, нагруженный стальными глыбами. Из кабины самосвала вылез грузчик и сказал:

— Дорогие ребята! Примите скромный подарок — станок и двадцать пять напильников. Желаю вам стать хорошими слесарями.

Ребята с жаром взялись за любимое дело, но — увы! — станок Марии Ивановны не работал. Он оказался без основных деталей.

Мария Ивановна в этом деле, к сожалению, не одинока. Находятся щедрые заводские дяди и тети, которые преподносят для школьных мастерских станки «времен Очаковских и покоренья Крыма».

Изумительную щедрость, достойную пера летописца, проявило Министерство морского флота, подарившее 636-й средней школе Свердловского района для изучения автодела раму от автомобиля «ГАЗ-АА».

А Управление Московского метростроя! Оно от щедрот своих подарило 172-й средней школе города Москвы сто пятьдесят напильников и три резболомера!

Принимая эти и им подобные «дары», преподаватели и дети просто пылают от стыда за такую щедрость. А вот богатым дядям хоть бы что. Они без всякого зазрения совести извлекают из мусорных ям и утилизовалок допотопные станки и везут их в школы.

ГОРОХОВЫЙ СУП И МИНИСТЕРСКАЯ КАСТРЮЛЯ

В этом году в школах введены уроки домоводства.

— Замечательно! — говорят папы и мамы.

— Как интересно! — восхищаются ребята.

Да, безусловно. Кому же будет плохо от того, что его ребенок научится шить, вышивать, варить суп и накрывать праздничный стол? Это очень даже прелестно! Но вот беда: где достать, скажем, посуду? На школьные средства, знаете, всего не купишь.

А шефы? Разве они не помогут?

Ученики 468-й московской средней школы — и мальчики и девочки — шумной гурьбой идут в Министерство электростанций и бьют челом секретарю парткома Н. А. Крылову:

— Дорогие шефы! Мы хотим научиться варить супы и каши.

— Ну и варите на здоровье! — благосклонно отвечает Николай Андреевич. — Я не препятствую.

— Но у нас нет электроплиток...

— А костер? Просяная каша, сваренная на костре, — это же изумительно!

— Это конечно. Но нам бы хотелось научиться готовить блюда на керосинках, электроплитках... Дайте хотя бы плохонький керогаз.

Секретарь огорченно разводит руками.

— Вот чего не могу, того не могу. Министерство электростанций ни электроплитками, ни керогазами не занимается. Добывайте свои кастрюльки и — как их там? — дуршлага в другом месте.

Так и не сварили ученики 468-й средней школы на уроках домоводства ни каши, ни горохового супа. Но будем надеяться, что высокие шефы в будущем помогут школьникам хорошо овладеть домоводством и первыми трудовыми навыками. Пусть видят они смысл своего шефства не в превращении школьных мастерских в кунсткамеры, а в том, чтобы помочь ребятам успешней овладевать и знаниями и трудовыми навыками.

Ник. БОРАНЕНКОВ

КРЕНДЕЛИ С КРЫШКОЙ

Дизели выходили из строя. Срочно нужны были крышки цилиндров.

Елецкая электростанция Министерства коммунального хозяйства, пытаясь спасти положение, обратилась к Уфимскому заводу горного оборудования Башкирского совнархоза.

— Пожалуйста! — сказали там. — Платите по три тысячи за каждую крышку — и крышка!

— Позвольте, — ответили энер-

гетики. — По прейскуранту бывшего Министерства тяжелого машиностроения она лишь на тысячу семьсот тянет!

— А мы действуем по прейскуранту существующего Министерства путей сообщения. Нашему сердцу железнодорожники ближе, по их ценам и платите...

— Помилуйте, — возмутился Елец, — вот так прейскурант! Тут что ни деталь, то вдвое дороже!

— Наша деталь, и цена наша! По какому прейскуранту хотим, по такому и берем!

Хочешь не хочешь, а плати. Ремонт не ждет! К тому же, на первый взгляд, все законно. Все прейскуранты утвержденные, согласованные со всеми инстанциями... но только не друг с другом.

Представьте себе, что на одной улице, почти рядом, торгуют две булочные. В первой тор-

говой точке крендель с миндалем стоит два рубля, во второй — три с полтиной. Мало того, усатый дядя в штучном отделе и вовсе пытается сбыть такие же хлебные изделия по шести рублей за штуку.

— Так не бывает! — воскликнет любой покупатель. — Никто не позволит такие крендели с кренделями выделывать!

Правильно, никто не позволит! На хлебобулочные изделия существует железный прейскурант. А вот цены на запасные части из железа и чугуна податливы, как сырое тесто...

Но почему же все-таки покупатель кондитерских изделий, обнаружив в ценах нежелательные выкрутасы и крендели, устраивает скандал на весь магазин, а электростанции коммунальщиков безропотно раскошеливаются на любую сумму?

У каждой кручины своя причина! И причина здесь весьма существенная. Запасных деталей не хватает, а своего настоящего, специализированного завода у коммунальщиков нет. Правда, есть у Министерства коммунального хозяйства единственное дитя — заводик в Армавире. Дитя слабосильное, маленькое, разве оно всех обеспечит! Вот и распихивают электростанции заказы заводам и заводикам, по всем городам, краям и совнархозам. Пишут, роняя слезы на сопроводительные бумаги: «Убедительно просим... необходимо срочно... под угрозой срыва...»

Более четырех лет тому назад правительство обязало министерство расширить армавирский завод, вернее, построить заново, на новом месте.

— Ну, теперь мы деталями будем обеспечены! — облегченно вздохнули все малые электростанции. — Шутка ли сказать, целый специализированный завод!

Четыре года готовили проект, а когда подсохла тушь на последней кальке последнего чертежа, выяснилось, что завод строить некому.

Главное энергетическое управление Министерства коммунального хозяйства отказывается:

— Строить заводы — дело не наше! Пусть этим Краснодарский совнархоз занимается! Ему и проект в руки, у него и Армавир под боком!

А Краснодарский совнархоз свои резоны выставляет:

— Помилуйте, у меня на ваш завод средств нет!

Спорят, но от этого спора вопрос со специализацией выпуска деталей с места не сдвинулся. А там, где нет специализации, там и себестоимость лезет в гору.

И по-прежнему запасные втулки, болты и крышки выпивают крендели на страницах разнообразных прейскурантов!

ВЫПИВОХИН НА РАБОТЕ

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

Одна мысль сверлит голову...

Б. ЗУБКОВ,
К. ОБОЛЕНСКИЙ

1

Тревожный год переживает
Семья Антона Фомича.
Жена страдает, изнывает,
Буквально тает, как свеча.

Она с утра на валидоле,
Ночами не смыкает глаз.
Сын!..

Он еще покуда в школе,
Но перешел в десятый класс!

Десятый класс!..
Недели мчатся,
Растет тревог и страхов груз.
Что предпринять!
Куда податься!
Какой для сына выбрать вуз!

2

Нередко дома диспут бурный
С утра до вечера кипел:
Хотела мать в архитектурный,
Отец в химический хотел.
Но, поостыв, решили оба,
Что спорят зря:
не в этом суть!

Одно лишь только нужно: чтобы
Сын поступил куда-нибудь.
Куда, в конце концов неважно!
В станкостроительный,
В лесной,
В сельскохозяйственный,
В бумажный,
В кирпичный, если есть такой,—
Но чтоб ребенок был с дипломом,
Чтобы за сына не краснеть,
Чтобы дипломом
Всем знакомым
Носы он мог бы утереть!..

3

Десятый класс...
Тревожный год...
Антон Фомич в пылу забот.

По целым дням прилежно связи
Он с высшей школой укреплял:
Искал зацепок и okazji,
На все педали нажимал.

Трудная задача

По лишь ему известным планам,
Уже проверенным не раз,
В трех институтах трем деканам
Достал путевки на Кавказ,

Пяти влиятельным доцентам
Устроил холодильник «ЗИЛ»,
Какой-то техникум цементом
Предусмотрительно снабдил,
С одним профессором-соседом,
Чтоб был в запасе лишний шанс,
Четыре месяца по средам
Играл исправно в преферанс...
Четыре месяца!..

Легко ли!

И вдруг...
Реформа в высшей школе!
Порядок новый!

В институт
Не примут сына:
нужен труд!

Трудстаж!
Трудкнижка!..

А иначе

Никак нельзя. Вот дело в чем!..
И встали новые задачи
Перед Антоном Фомичом.

4

Он снова ходит невеселый:
Придется тактику менять
И связь уже не с высшей школой,
А с производством укреплять.

Спасать приходится мальчишку!
Что делать!

Где достать трудкнижку!
Как лучше обойти закон!
Как сделать, раз нужна работа,
Чтоб за него работал кто-то,
Как будто этот кто-то — он!

А чтобы сын работал где-то!

Нет, нет!..

Жена, как мать, права:
Ему прописана диета
И вообще нужна Москва!
Вне дома плохо ест и спит он,
И наконец, зачем скрывать,
Он вообще не так воспитан,
Чтобы косить или ковать!..

5

Еще пока не хочет сдаться
Изобретательный отец,
Для хитроумных махинаций
Не наступил еще конец!
Ведь можно так:
оперативно,
Хитро,
найдя окольный путь,
Зачислить мальчика фиктивно
Куда-нибудь
и кем-нибудь.

Разнорабочим в трест очистки,
Вахтером на любой оклад,
Пусть в штат на должность машинистки,
Пусть даже няней в детский сад.
Источником,
курьером главка,
Монтером,
сторожем в гараж...
Ему нужна ведь только справка
О том, что есть рабочий «стаж»!..

Нас могут упрекнуть:

— Вы что же!

Как понимать ваш фельетон!
Антон Фомич, мол, так силен,
Что и реформа не поможет!
Нет!

Но Антоны Фомичи
Хитры.

Мы знаем их привычки:
Лишь отберешь у них ключи,
Глядишь, в руках у них отмычки.
Захлопнув перед ними дверь,
Чтобы войти они не смели,
Ты тут же тщательно проверь:
А не оставил ли ты щели!

Антон Фомич,
наметив цель,
Не в дверь стучит,
а лезет в щель.

Иллюстрации Г. ВАЛЬКА

Затяжная петля

Первый день моего отпуска начался с того, что на новом чулке пятьдесят шестого артикула, как обычно, поползла затяжная петля. А ведь печать так много выступала на эту злополучную тему! «Литературная газета» дискутировала, «Комсомольская правда» критиковала, «Огонек» освещал, «Крокодил» брал на вилы...

А чулки по-прежнему из рук вон плохи! Нет, так этого оставить нельзя!

И вот я бегу в ГУМ и бросаю чулки на столик товароведов по качеству трикотажных изделий.

— Еще одна! — сокрушенно простонала товаровед. — Валият и валият на мою голову! И никто не подумает о том, что я тоже пострадавшая!

И она продемонстрировала мне собственный чулок.

Я поняла: надо ехать к тем, кто тклет эту злосчастную паутинку. И отправилась на Тушинскую чулочную фабрику.

...Главный инженер фабрики М. Ф. Медведев взял чулки, как следователь, который, беря предмет, опасается оставить на нем отпечатки своих пальцев вместо пальцев преступника.

— А ведь чулки-то надевались и даже носились! — вскричал он с торжеством.

— Но я их проносила всего один день!

— Знаем мы эти «двадцать четыре часа из жизни женщины!» — съязвил инженер.

И, охваченный педагогическим пылом, он прочел мне правила пользования продукцией этой фабрики.

Оказалось, что чулки не только изготавливаются без прикосновения пальцев, но надевать и снимать их нужно таким же способом, используя для этих операций хирургические резиновые перчатки. Я и понятия не имела, что для хранения чулок необходимо также обзавестись специальной шкатулкой, лучше всего федоскинской, ибо у них стенки более гладкие. К тому же изображение босоножной Аленушки несет одновременно символическую нагрузку. А надевать чулки следовало непременно на влажную ногу.

Инженер решительно вернул мне пакет с чулками.

— Менять не будем! На эти восемнадцатирублевые чулки падает сорок пять с десятными процентами всех жалоб. Впрочем, между нами, сорокадвухрублевые тоже не лучше, — доверительно сообщил он на прощание. — Кто виноват? Конечно, клинчане, это их волокно...

Выбежав на улицу, я привычно, как на часы, посмотрела на чулки: так и есть, стрелка на левом чулке тоже побежала.

На второй день отпуска я поехала в Клин. На Клинском комбинате искусственного волокна мне даже посочувствовали: чулки, мол, действительно выпускаются неважные. И в этом виноват... Кунцевский игольный завод... Да, да! Иголки у них с заусенцами, они-то и портят волокно.

В Кунцево я решила не ездить, заранее предвидя, что кунцевские игольщики, в свою

НЕ РАССЧИТАЛИ СКОРОСТЬ

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

— А мы-то его ждали по старинке, на санках!

очередь, будут все валить на качество стали...

...Шел третий день моего «отдыха», когда в новых, только что надетых чулках я переступила порог научно-исследовательского института трикотажной промышленности. Не без робости приоткрыв дверь, я очутилась в довольно странной комнате. Ножки стоящих здесь стульев были спеленаты в плотные чехлы. На стульях недвижимо сидели работницы отдела.

— Ползет! — вдруг закричала молоденькая сотрудница.

— Не играйте на нервах, — успокоила ее пожилая сотрудница. — Те девятнадцать процентов, которые должны были поползти в первые восемнадцать дней, уже поползли. Остальные еще будут ползти, и нечего из этого устраивать панику! Вы лучше займитесь регистрацией «недоносков».

— Не расскажете ли мне, как идет борьба за прочность чулок? — робко спросила я.

— Разве вы не видите? — смеялась меня взглядом пожилая. — Мы сейчас производим опыт-

ную носку чулок. Думаете, легко сидеть, не шевелясь? Это, по-вашему, не борьба? А новый способ, что мы недавно изобрели? Скажу вам по секрету: чулки будут погружать в специальный раствор. Это повысит их носкость до пяти стирок. Правда, соответственно повысится и стоимость чулок...

— Еще повысится?! — ужаснулась я: по предварительным расчетам, каждый час пребывания в чулках обходился мне в рубль двадцать копеек...

...Последняя дверь, в которую я решила постучаться, — дверь Управления легкой промышленности Мосблсовнархоза.

Главный инженер управления Ольга Петровна Кабанова согласилась, что чулки из капрона «не обладают высокой износоустойчивостью». Но оказалось, что во всем следует винить торговую сеть. По словам Ольги Петровны, вся беда в том, что продавщицы уверяют покупательниц, будто капроновые чулки не только красивы, но и прочны. А надо не-

предменно предупреждать покупателя: мол, чулки плохи. Ему неловко будет потом предъявлять претензии.

И я представила, как при въезде в новую квартиру строители советуют побыстрее справиться новоселье, а то дом, того гляди, рухнет. Или в швейном ателье предупреждают: спешите надеть новое платье, а то оно вот-вот разлезется по швам.

Алла ТРУБНИКОВА

ОТ РЕДАКЦИИ. Читатель, естественно, задаст вопрос:

— Кто же в конце концов виноват?

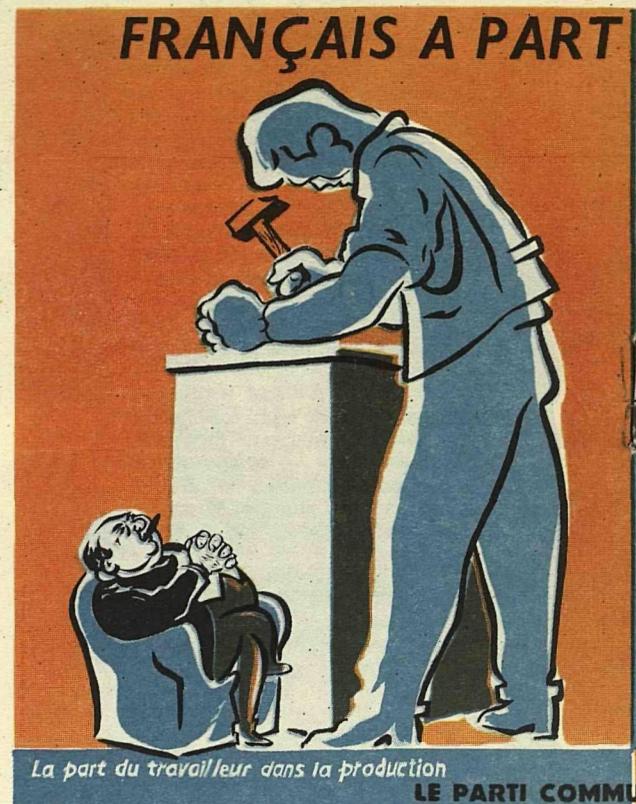
Действительно, получается заколдованный круг: один сваливает вину на другого.

— Чулки плохие? Не отрицаем. Но мы персонально тут ни при чем, — говорит Иван Иванович, обвиняя во всем Пал Палыча, который считает, что корень зла в Семене Семеновиче...

И тут у Крокодила возникла заманчивая мысль: собрать вместе Ивана Ивановича, Пал Палыча и Семена Семеновича и выяснить наконец, кто из них прав, а кто виноват.

Надеемся, возражений с их стороны не будет!

FRANÇAIS A PART

...в производстве...

ИГРА СТОИЛА СВЕЧ...

Случайно найденное письмо

Итак, мой дорогой дядюшка, жребий брошен. Я стал депутатом. Успех, в который я всегда верил, сопутствовал мне, и теперь парламент увидит двух Дюбуа-Гранвилей: вас, сенатора, и меня, депутата.

Не зря я вносил залог в десять тысяч франков, который новая конституция требует от каждого кандидата. Это не много, конечно, по сравнению с тем, что у меня ушло на избирательную кампанию, но залог вообще — весьма мудрое установление, предохраняющее нас от глупых кандидатов, ибо у умного человека деньги всегда водятся. К тому же для коммунистов, которые выдвигали своих кандидатов из простых рабочих, нищих крестьян и голодных интеллигентов, общая сумма залога по четыреста шестьдесят пять избирательных округам составила сорок шесть с половиной миллионов франков. У нас поэтому есть все основания улыбаться...

Говоря откровенно (а я могу себе это позволить: я ведь не на предвыборном митинге), обстоятельства до сих пор складывались весьма благоприятно для меня. Маршал Петэн, назначив меня одновременно с Антуаном Пинэ государственным советником, дал мне возможность быстро расширить мое предприятие, так как я получил у немцев контракт на строительство атлантического вала — того самого, что должен был защитить Францию от высадки англо-американских войск. Правда, в 1944 году мои доходы были объявлены незаконными и меня даже приговорили к огромному штрафу, но я так его и не выплатил. Времена меняются, и справедливость торжествует. Пинэ, например, уже побывал после войны в кресле премьера; что же касается тех, кто во время войны боролся с немцами, получая с них за поставки хорошую плату, то им гарантированы честно заслуженные почести.

Конечно, я давно уже подумывал о депутатском кресле. И вот теперь, когда мы освободились от пропорционального представительства, оно передо мной. В самом деле, мы

Разворот выполнен сотрудниками газеты «Юманите» А. Вюрсером и Л. Мительбергом специально для «Крокодила».

вернулись к блаженным временам вашей, дядюшка, молодости: в первом туре в каждом избирательном округе побеждает тот кандидат, который наберет больше пятидесяти процентов голосов; если победителей не будет, состоится второй тур, в котором избирается тот, кто получит больше голосов. Как вы мне писали, голосуют не за партию, а за человека. Убедительная победа индивидуальности над общими идеями! Как преуспевающая индивидуальность я, таким образом, имел все шансы победить.

Вы знаете, дорогой дядюшка, что у меня есть твердые убеждения. Если я предлагал свои услуги пятнадцать лет тому назад маршалу Петэну и если сегодня я предлагаю себя с такой же готовностью пятой республике, то лишь потому, что Франция нуждается в сильном правительстве. Это правительство должно, с одной стороны, дать отпор губительным требованиям рабочих о повышении уровня жизни, а с другой — поддержать справедливые претензии промышленников об увеличении их богатств, которые по справедливости следует назвать богатствами всей Франции. Надеюсь, что еще до конца года я смогу выступить в парламенте глашатаем этой единственно мудрой политики.

Теперь я хочу рассказать, дядюшка, почему коммунистическому кандидату не удалось победить. В первом туре он не собрал больше половины голосов, а во втором туре все мы, от социалиста до фашиста, сблокировались против него. Это нам было тем более нетрудно сделать, что установление границ избирательных округов сильно затруднило коммунистам избрание своих кандидатов. За это я хочу от всей души поблагодарить вас, мой дорогой дядя. Вы ведь сделали для своего племянника не меньше, чем для министра юстиции Мишеля Дебре или для Поля Рейно, этого дряхлого старца, проповедующего обновление Франции.

Для Дебре, чья кандидатура баллотировалась в городе Туре, вы отсеки от избирательного округа рабочие предместья, которые могли бы помешать его избранию, и присоединили их к сельскому округу, разбавив голоса рабочих голосами землевладельцев.

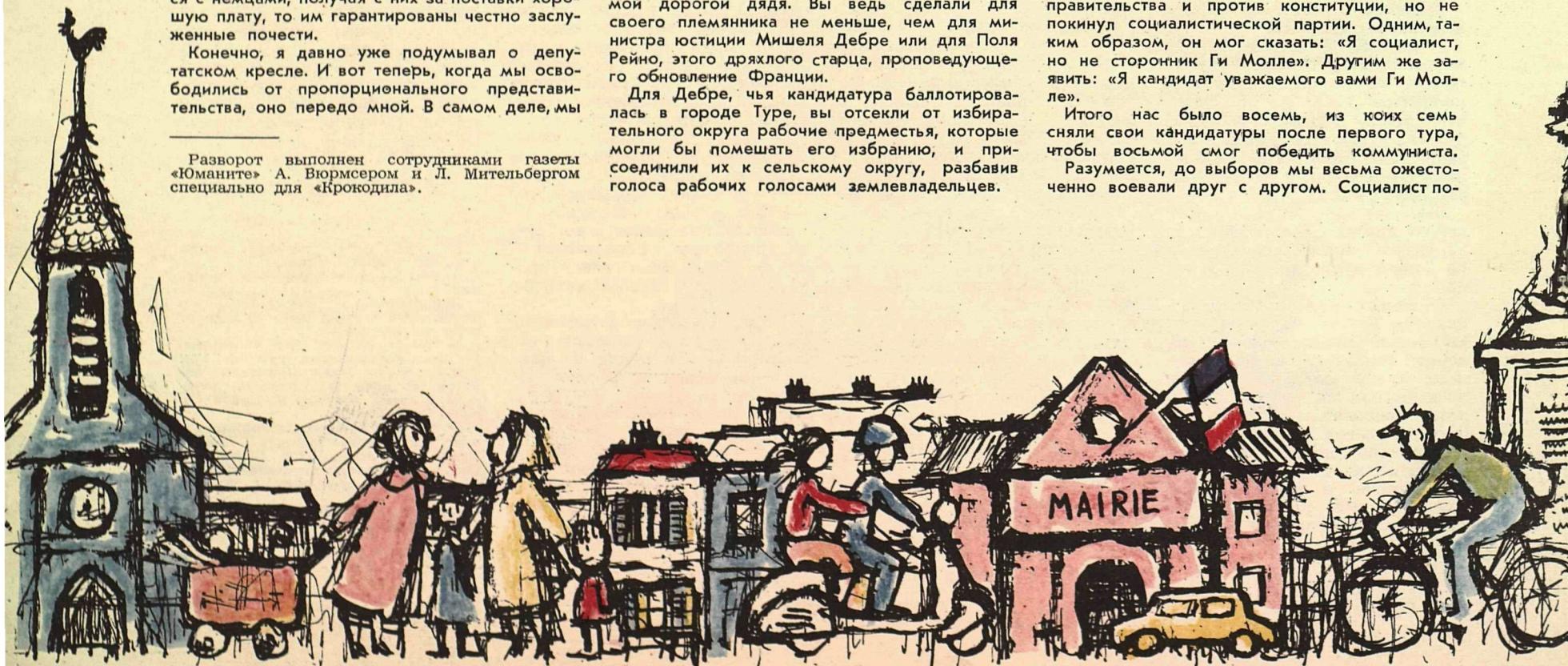
Полю Рейно вы помогли еще более простым способом. Вы просто-напросто отрезали от его округа подозрительные районы, и, таким образом, число голосов в округе стало вдвое меньше, но зато какие остались надежные голоса! Эта мера была более чем разумной, она была мудрой и справедливой: разве один консервативный голос не стбит по меньшей мере двух голосов рабочих?!

Разделенный по вашим указаниям, мой избирательный округ вполне меня устроил.

У меня было семь конкурентов, не считая коммуниста (он является не конкурентом, а нашим общим врагом). Моим первым соперником был пужадист. Вторым — фашист. Третий считал себя принадлежащим к правому крылу. Четвертый, опекаемый Жоржем Бидо, — христианский демократ. Пятый, ортодоксальный радикал, ведет борьбу против Мендеса-Франса, такого же радикала, как и он сам. Шестой, недовольный радикал, близок к ортодоксальному радикалу. Седьмой, наконец, — социалист. Он голосовал против нового правительства и против конституции, но не покинул социалистической партии. Одним, таким образом, он мог сказать: «Я социалист, но не сторонник Ги Молле». Другим же заявить: «Я кандидат уважаемого вами Ги Молле».

Итого нас было восемь, из коих семь сняли свои кандидатуры после первого тура, чтобы восьмой смог победить коммуниста.

Разумеется, до выборов мы весьма ожесточенно воевали друг с другом. Социалист по-

ENTIÈRE?

Sa part dans la représentation nationale
COMMUNISTE FRANÇAIS

...и в выборах

Предвыборный плакат Коммунистической партии Франции

вторял вслед за Ги Молле, что французские законы — «самая большая глупость на свете». Пужадист кричал, что во всем виноваты социалисты. И так далее. Однако не забывайте, что перед вторым туром у нас было время «заставить замолчать наши личные чувства и принести себя в жертву высшим интересам родины», как мы говорим. А именно: мои противники призвали избирателей голосовать за кандидата, которого они только что мазали грязью. Вот, дорогой дядюшка, какой ценой я победил «иностранный агент» — коммуниста.

Это было трудновато еще и потому, что наш коммунистический кандидат воевал и в 1914 и в 1942 году. Но я сыграл на том, что слово «коммунист» так же пугает дураков сегодня, как слово «социалист» пугало их в дни вашей юности или слово «республиканец» — в те времена, когда ваш дед представлял наш департамент в законодательном собрании Наполеона III.

Мы, то есть ваша племянница и я, провели бессонную ночь, подыскивая название для партии, которая придавала бы моей кандидатуре больше блеска. Часам к шести утра мы наконец придумали такое название: «Республиканско-социальный союз для защиты местных интересов». Здесь все есть: республиканский, социальный, защита, интересы, местный — на любой вкус! Одновременно я составил — в выражениях столь же энергичных, сколь и

неясных — свою программу и разослал ее всем избирателям вместе со своей ретушированной фотографией (ретушь оказалась не очень удачной: я стал как две капли воды походить на остальных семерых кандидатов, — но фотограф уверял меня, что это не его вина). В программе я безоговорочно выступил против классовой борьбы — «устаревшей и бесплодной теории». Другой пункт — это уважение «светского характера государства и школы» (я добавил, впрочем, по просьбе епископа, требование «уважать одновременно интересы духовного образования» и, таким образом, удовлетворил и клерикалов и антиклерикалов). Само собой разумеется, я выступил против продолжения войны в Алжире (какой идиот осмелится сегодня выступить за эту войну?). Но я уточнил: «Без всяких, однако, переговоров или какого-либо перемирия с террористами, поднявшими против нас оружие». Как видите, мой пацифизм не слишком примитивен.

Эта кампания влетела мне в копеечку. Впервые, пришлось возместить залог, внесенный остальными семью кандидатами, а заодно и стоимость их избирательной кампании. Вторых, двум из них пришлось оплатить добровольное согласие снять свои кандидатуры. Вообще сплошь и рядом дело не ограничивалось бескорыстными обещаниями. В одном месте мне пришлось даже принести в дар избирателям пожарный насос, а вы сами знаете, как дороги теперь пожарные насосы... Но на что не пойдешь, мой дорогой дядя, чтобы защитить в парламенте дело республики и Франции! Чего не сделаешь ради того, чтобы звезда Дюбуа-Гранвилей воссияла на политическом горизонте пятой республики!

Простите мне чрезмерное красноречие. Эта скверная манера появилась у меня после ежедневных выступлений перед избирателями в кафе, на фермах, в мэриях. Впрочем, это качество, кажется, необходимо для парламентской деятельности, не так ли? Вы бы улыбнулись, дядя, слушая, как я разглагольствовал перед этой публикой о «необходимости обновления». Но, кстати сказать, разве вы сами не твердили об этом на протяжении последних пятидесяти лет?

Я поручил одному журналисту из нашей газеты «Эхо департамента» написать две мои статьи. Первая должна касаться жилищного кризиса — вопроса, наиболее жгучего для нуждающихся избирателей и, стало быть, для меня как кандидата (и домовладельца).

Смысл статьи, составленной в тонких выражениях, сводится к следующему: государство должно помочь домовладельцам.

Вторая моя статья касается международных вопросов. Я подтверждаю верность всем нашим союзам и прежде всего НАТО. Обрушиваюсь на Советский Союз и предсказываю «этому бесчеловечному обществу» скорый конец. Разумеется, я малооригинален: вот уже сорок второй год мы без устали предсказываем этот скорый конец. Да ведь и вы сами, дорогой дядюшка, еще в 1927 году заявили в интервью: «Если Советы проживут еще десять месяцев, можно сказать, что они существуют десять лет». Я говорю: «Если Советы продержатся еще девять лет, можно будет сказать, что они существуют полвека». Как видите, я не занимаюсь плагиатом.

Итак, на этих днях я уезжаю к вам в Париж. Я уже почти вижу себя сидящим в парламенте, чуть-чуть налево от среднецентристской группировки правого крыла...

Я должен прервать письмо, дорогой дядюшка: меня ждет один муниципальный советник, радикал. У него туго с деньгами, и я надеюсь, что мы найдем с ним общий язык.

В заключение беру на себя смелость обратиться к вам с одной маленькой просьбой. В Африканско-нефтяном банке вы встречаетесь с кузеном того депутата, который баллотировался в нашем округе. По моим сведениям, этот депутат — яркий монархист. Чтобы он не особенно расстраивался, шепните кузену, что я сам в душе монархист и горжусь государями, составившими славу Франции.

Если же вы встретите заместителя секретаря социалистической партии, дайте ему понять, что я «человек прогресса» и что Ги Молле может твердо рассчитывать на меня, если будет формировать кабинет. В конце концов, в чем Ги Молле может меня упрекнуть? Разве что я в меньшей степени антикоммунист, чем он? Вряд ли!

До скорого свидания в Париже, мой дорогой дядюшка! Горжусь вашей поддержкой и уверен, что никто лучше меня не будет представлять в парламенте наш округ.

Ваш Ж. П. ДЮБУА-ГРАНВИЛЬ
Копия верна: Андре ВЮРМСЕР.

Перевод с французского.
Рисунки Луи МИТЕЛЬБЕРГА.

Кадры послевоенной хроники

1

— Господа,— доверительным тоном начал генеральный директор крупной фирмы, еще так недавно выпускавшей скорострельные и многоствольные «игрушки». — Вам, конечно, известно, что в Восточном Берлине и в советской оккупационной зоне в соответствии с Потсдамским соглашением нет больше ни концернов, ни монополий. Это весьма при-
скорбно, но что делать? Пока что мы должны утешаться тем, что нам-то уж отнюдь никто не мешает расширять нашу фирму. Я должен сообщить вам, господа, что в настоящее время именно мы идем во главе всей западногерманской индустрии и являемся образцом...

(Продолжение следует.)

2

— Господа и дамы! — торжественно звучал голос оратора в большом зале отеля «Империал». — Итак, мы основываем здесь, на свободной и неприкосновенной земле Западного Берлина, первую группу сопротивления красному влиянию с Востока. Мы решили назвать ее «Группа борьбы против бесчеловечности». Я убежден, что это будет лишь первая ласточка, а за ней...

(Продолжение следует.)

3

— Господин генерал,— сказал только что прибывший из Вашингтона специальный представитель секретной службы США коменданту американского сектора Берлина. — Мы еще никогда не могли предоставить нашим агентам столь благоприятных в смысле безопасности условий, как в Западном Берлине. Время настоятельно требует, чтобы для начала двести пятьдесят сотрудников Центрального разведывательного управления начали здесь у вас свою деятельность. Через некоторое время можно будет расширить штаты...

(Продолжение следует.)

4

— Друзья,— прохрипел бывший полковник войск СС,— давайте покажем этой «красной толпе, которая осаждает наш остров свободы, что

Фельетон написан специально для «Крокодила».

нас отсюда не выбьешь! Уже давно пришла пора создать и возродить солдатские союзы и офицерские общества, которые вызвали бы к жизни дух нашего фюрера. И никаких сомнений! Наша честь — это верность Гитлеру! Мы должны стать во главе...

(Продолжение следует.)

5

— Уважаемые коллеги,— взволнованно сказал на очередном заседании член правления западноберлинского филиала Христианско-демократического союза,— мы должны во что бы то ни стало дать политический отпор нашим противникам. По-ли-ти-че-ский! Кстати сказать, здесь у нас, в Западном Берлине, насчитывается уже полсотни шпионских и диверсионных организаций, не считая разведывательных центров трех оккупационных держав: Соединенных Штатов, Англии и Франции. Как же не использовать эту единственную в своем роде благоприятную ситуацию?! В качестве ведущей западногерманской партии мы должны первыми здесь, в окружении врагов, создать бюро для политического проникновения в коммунистический мир. Оно будет называться «Восточное бюро». Мы должны использовать богатый опыт упомянутых организаций, чтобы в дальнейшем...

(Продолжение следует.)

6

— Товарищи,— сказал секретарь профсоюзной организации на рабочем собрании народного предприятия,— вы уже читали в наших газетах заявление товарища Хрущева о проблеме Берлина, вам известны также и ноты Советского Союза относительно ликвидации оккупационного режима в Берлине и установления для Западного Берлина статуса демилитаризованного вольного города. Это не может так дальше продолжаться, чтобы у нас под боком бесчинствовали восемьдесят с лишним западноберлинских шпионско-диверсионных организаций. Нельзя больше терпеть, чтобы нарушались все статьи Потсдамского соглашения, кроме одного пункта, предусматривающего пребывание западных войск в Западном Берлине. Даже поговорка есть такая: «Острову никогда не следует враждовать с морем». Мы все надеемся, что это положение будет изменено... А начало, товарищи, уже положено!

(Окончание последует!)

Перевод с немецкого.

Владельцы западногерманских концернов, нажившиеся на второй мировой войне, требуют «возмещения ущерба», якобы причиненного им в результате разгрома гитлеровского фашизма.

— Помогите пострадавшим на войне!..

Рисунок Ю. ГАНФА.

Рисунок А. КРЫЛОВА.

ЦЕНИТЕЛИ МУЗЫКИ

(В театре на Бродвее)

- Какая беглость пальцев!
- Да, из нее вышла бы неплохая машинистка!..

Эмиль КРОТКИЙ

ЧИТАЯ ГАЗЕТУ

«ЖУРАВЛЬ» и «СНИЦА»

Стремясь ослабить впечатление, произведенное на американскую общественность советским семилетним планом, газета «Дейли ньюс» пытается уверить своих читателей, что это-де только «журавль в небе».

«Дейли ньюс» честит, как «небыль»,
Наш рассчитанный размах:
Мол, «журавль» советский — в небе,
А «сница» — в их руках.
Что ж, пускай! Ведь всякий знает,
Что, явив свой вес и рост,
Наш «журавль» и впрямь витает
В небе: в космосе, среди звезд!
Нет границ для мощной птицы,
Вот летит, бескрылых зля!
Раздражают слух «сницы»
Позывные «журавля»,
Ей, хвастливой, только снится,
Что быстрее всех птиц — она.
Не поэтому ль «сница»
Больше всех раздражена!

В НЕБЕСАХ, КАК НА ЗЕМЛЕ

Делегация США на Генеральной Ассамблее ООН с помощью своих союзников по военным блокам воспрепятствовала соглашению о мирном использовании космического пространства.

Война — их бизнес, их профессия.
Им слово «мир» внушает страх.
Как хлеб насущный, им агрессия
И на земле и в небесах.

МОДЕРНИЗИРОВАННЫЙ ПЛАНТАТОР

Американская военная миссия в Иордании подарила иорданским властям большую партию хлыстов, сделанных из нейлона.

Он тот, кем был в былые годы,
А разница лишь в том,
Что он, плантатор новой моды,
Смирять пытается народы
Нейлоновым хлыстом!

Рисунок А. ЧУРКИНА (г. Минск).

СТАВИТ НА НОГИ.

— Петр Иванович, примите товарища, у него большие задатки...

В Столице

Под сенью трех сосен

Уже несколько дней дома и на улице он беспрерывно мурлыкал одну строчку из песни:

— «Сибирь, Сибирь с тайгой непроходимой...»

Знакомые, сперва не придавали этому никакого значения, а потом смекнули: уж не собирается ли их приятель в Сибирь?

— Разумеется, еду в Сибирь! — подтвердил он. — Уже командировка в кармане. Завтра получу последние указания товарища Вороницына — и в путь-дорожку дальнюю!

Пока тов. Вороницын, возглавляющий ЦНИИМЭ, что в переводе на русский язык означает Центральный научно-исследовательский институт механизации и энергетики лесной промышленности, вооружал подчиненного ему ученого мужа руководящими наставлениями, семья командированного сбилась с ног, спешно закупая валенки-заколеники, шапку-ушанку и прочие теплые вещи.

— Тулуп хорошо бы достать, — советовала предусмотрительная соседка.

— Чудаچه! — отшучивался будущий сибирский гость. — Никаких тулупов и ушанок! Еду в бежевых полуботинках!

— В сибирский лес в таком одеянии?!

Ученый муж загадочно молчал. ...Трудно сейчас установить, кто именно первый подал мысль разместить вышеназванный ЦНИИМЭ не где-нибудь в тайге, как ему подобало бы, а в Химках, под Москвой. Но факт остается фак-

том. Лесопромышленный институт раскинул шатры свои в уютной тени пригородных аллей.

Но жизнь, стремительная и неутомимая, потребовала от молодого института не отставать от нее. Говоря деловым слогом, это означало: у института должны быть свои производственные базы-филиалы для испытания новой техники.

Хотя химкинские ученые, вероятно, обладают незаурядным воображением, но все же они не решились открывать леспромхоз у порога столицы. Разве развернешься там стреловочными тракторами, кранами, мотовозами и иными сложными механизмами в трех соснах, что красуются подле института как единственная достопримечательность, подтверждающая его лесопромышленное назначение?!

Ученые, возглавляемые директором института тов. Вороницыным, обратили свои взоры на карту лесов, на то ее место, где напечатаны слова: Сибирь, Пень, Оленино.

— Вот самое подходящее место для филиала, — вдохновенно сказали они, — сюда двинем мы нашу технику!

Так в районе Сибири, а также в районах поселков Пень и Оленино выросли крупные промышленные хозяйства, оснащенные

мощной лесостроительной техникой. Но не думайте, что речь идет о той матушке Сибири, что раскинулась от Урала до Тихого океана. Тов. Вороницын и его соратники имели в виду крохотное село под названием Сибирь, что вблизи истоков Волги, в нескольких часах езды от Химок.

Местные жители, знающие цену своему лесу, шумящему вокруг водоохранной зоны, рядом с заповедниками редких зверей, никак не могут уразуметь: почему вопреки решениям правительства сводятся на нет боры и рощи и ревут денью и ночью моторы, сгоняя с обжитых мест бобров, кабанов, лосей?

Железнодорожная станция Оленино сыграла здесь немаловажную роль. Ведь сюда можно прикатить из столицы без всяких там пересадок и треволнений. Прямым экспрессом Москва — Рига. В мягком вагоне. Со всеми удобствами. А отсюда до села Сибирь или поселка Пень рукой подать.

Но жизнь предъявляет институту новый счет: создать базы-леспромхозы в нескольких местах страны, чтобы лучше учитывать условия лесозаготовок.

Ученые мужи не растерялись: они скоропалительно обосновались на... Валдайской возвышенности, в Новгородской области!

Правда, тут, в самом центре

России, лес изничтожен почти полностью и давным-давно утратил свое промышленное значение. Но это можно в расчет не принимать.

Лесоводы и организации Калининской области не раз официально обращались к ученым:

— Одумайтесь! Что вы делаете? Из Химок отвечали с эдическим спокойствием:

— Не мешайте техническому прогрессу в лесной промышленности. Места для производственных баз были согласованы с самим товарищем Орловым, министром лесной промышленности.

— Так это ж в ту пору! А теперь и министерства такого нету...

Спор до того затянулся — конца краю ему не видать.

Тем временем в Химках можно слышать под шум трех сосен примерно такие разговоры:

— Вы куда собрались?

— В Сибирь!

— Каким поездом?

— Разумеется, рижским.

— Я тоже рижским. В Пень.

Давайте в одном купе устроимся.

Так и устраиваются.

Среднерусские леса редуют день ото дня. Деревья стонут под топорами и электропилами. Зато лесные массивы в северных районах, которые даже с самолета не окинешь глазом, призывно шумят, вековые, нетронутые, зовут, приглашают ученых в свое величавое царство.

Зовут, приглашают! Слышите?

П. ДУДОЧКИН

— С этим лектором все царствие небесное пропсишь!

ной зоне

ТРИ ФРАНЦИИ

Перефразируя Пушкина, скажем о Казахской ССР:

Богат и славен Казахстан.
Его луга необозримы.

Еще бы! Сто шестьдесят пять миллионов гектаров пастбищ и сенокосов... без малого три Франции.

В Казахском институте кормов и пастбищ, шефствующем над сим травяным царством, классифицируют кормовые угодья по зонам. Есть зона степных пастбищ, зона пустынных, предгорных и т. д.

В какой из них базируется институт?

В столичной зоне: Алма-Ата, Кашгарская улица, 64.

В критическом положении оказалось вышеупомянутое научное учреждение. Глянут ученые в одну сторону — асфальт, глянут в другую — цветник, в третью — строительная площадка. И ни одного квадратного метра полноценных сенокосов, ни одного клочка пастбищ!

Вот какая оказия.

НЕТ ПОВЕСТИ ПЕЧАЛЬНЕЕ...

А ведь было время... Институт имел в Алма-Атинской области солидную экспериментальную базу. Имел на периферии опорные пункты, или точки, как называют их научные работники. Ученые

вырзались в науку. И вдруг как гром среди ясного неба:

— Экспериментальную базу передать Институту животноводства, опорные пункты — областными опытными станциями!

Так распорядилось Министерство сельского хозяйства республики.

Осталась у института одна опорная точка — двор перед учрежденческим зданием. Но может ли развернуться на такой микрощади полусотенный коллектив научных работников?!

— Нет повести печальнее на свете... — вздыхая, говорят кормовики. — Главное несчастье, что многие актуальные темы остались незаконченными. Скажем к примеру, насчет летнего «меню» скота — зеленого конвейера. Разрабатывал эту тему коллектив Уральского опорного пункта (Западный Казахстан). Но только работники начали подбирать кормовые культуры, «точку» передали опытной станции. Зеленый конвейер завял.

КТО ПРИГРЕЕТ, ТАМ И МЫ

— Пришлось дать Министерству сельского хозяйства бой, — повествует заместитель директора института по научной части товарищ Голубев. — И тогда нам

выделили кусок земли в окрестности Алма-Аты. Четыреста сорок шесть гектаров. Из них двести восемьдесят шесть — бугры и холмы. Ныне столичные остряки именуют наше учреждение институтом холмов и бугров... Вам, кажется, смешно? А нам... весьма грустно.

— Техники на участке мало, — дополняет заведующий холмами и буграми, то бишь опытными полями, агротехник Варава. — Грузовой автомашины совсем нет. Выручают лошади. Восемь голов держим. Но ведь лошадям корма нужны! А сено-то пригородные колхозы не больно продают.

Сообщили еще кормовики, что у института большой план работ по сортоиспытанию сельскохозяйственных культур, в частности прославленной царицы полей — кукурузы.

— Где же пестуете ее?

— В чужих углах. Три года высеивали на землях подсобного хозяйства Совета Министров республики, затем подладили к Алма-Атинскому табаксовхозу. Кто пригреет, там и мы.

РАЗВЯЗАТЬ КРЫЛЬЯ БЕРКУТАМ!

И директор института товарищ Курманов и его научные сподвижники ставят вопрос ребром:

— Дайте нам землю! Тысячу гектаров, не менее! Иначе институт сгинет.

Велика ли проблема? Возьмите, товарищи кормовики, пол-Франции. И даже целую Францию. Слава аллаху, Казахстан еще не оскудел кормовыми угодьями. Конечно, в окрестности столицы такого куска не найти. Придется приблизиться к лугам необозримым, где растут желанные вашему сердцу овечьи, верблюжьи и другие бесценные травы и есть разгуляться где на воле.

Там можно держать не восемь, а восемьдесят восемь лошадей, потому что корма даровые. И в полную меру развернуть опыты по зеленому конвейеру. И вывести на широкие просторы кукурузу.

А в зоне Кашгарской улицы действительно недолго и захиреть. Там вы, как беркуты со связанными крыльями.

Глядя на вас, товарищ Курманов, может быть, распрощается с Алма-Атой и ваш ближайший сосед по Кашгарской улице — Институт животноводства? Что ему делать в столице, где животноводство представлено лишь сеттерами, болонками и кошками?

Итак, до новой встречи! На новых и злых местах.

А. ОМЕЛИН

г. Алма-Ата.

ВИЛЫ В БОК

ПОЛЕТ ЮРИДИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Следователи линейного отделения милиции станции Шяуляй не могут пожаловаться: чего-чего, а руководящих указаний со стороны тов. Акимова, работающего ныне помощником Литовского транспортного прокурора, им хватает. И какие это подчас глубокомысленные, юридически поучительные указания!

...Однажды вечером стрелочница Медикайте дала отпор пьяному, напавшему на нее во

время дежурства, и причинила ему некоторое телесное повреждение. Следовательно милиции не нашел в ее действиях превышения необходимой обороны.

— Э, нет, позвольте-ка! — сказал тов. Акимов, изучая представленный ему материал. — Тут упущено одно очень тонкое обстоятельство: в момент происшествия, в 22 часа, было светло или темно?

Конечно, Шерлок Холмс с его примитивным мышлением поступил бы в таком случае очень просто. Он заглянул бы в настольный календарь, прочитал бы там, что заход солнца в день происшествия пришелся на 19 часов 30 минут, и объявил бы восхищенному доктору Ватсону: «Итак, тайна разгадана! В момент происшествия было темно». Но тов. Акимову не к лицу такие упрощенческие методы. И он дал следователю милиции строгое письменное указание:

«Необходимо от компетентных органов затребовать справку наступления темноты» (!).

А пока озадаченные следователи разыскивали компетентные органы, ведающие темнотой, на них свалилась новая забота: было похищено несколько мешков калийной соли. Встал вопрос о привлечении виновного к ответственности.

— Э, нет, погодите-ка! — молвил тов. Акимов, углубляясь в представленный ему материал. — Тут не освещен целый ряд самонаиболее важных моментов.

И он учинил энергичный разнос работникам милиции, не сумевшим усмотреть в деле глубочайших юридических, а также экономических проблем:

«Обращаю Ваше внимание на неполноту проверки обстоятельств факта... В материале нет сведений, насколько эффективна калийная соль как удобрение. При производстве каких с/хозяйственных работ она применяется и какой ущерб мог быть причинен сельскохозяйственной организации от невнесения в почву похищенного количества калийной соли».

СНЕЖНАЯ БАБА-ИЖДИВЕНКА

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

1. Метла — из соседней области.
2. Ведро — из смежного совнархоза.
3. Пуговицы — из центра.
4. Морковь — из отдаленного района.
5. Зато сама — из местного сырья.

Конечно, выполнить эти указания тов. Акимова было бы совсем нетрудно. Стоило только произвести очень несложный следственный эксперимент: взять два одинаковых участка земли и посадить на них, скажем, сахарную свеклу; один участок удобрить похищенной калийной солью, а другой оставить без удобрения. Затем из первого урожая вычистить второй урожай — вот вам и готовенькая цифра ущерба, причиненного похитителем!

Что же делают работники милиции? Вместо того, чтобы снять два экспериментальных урожая, они снимают с ценнейших директив тов. Акимова заверенные копии и отправляют их в «Крокодил». Дескать, читайте и изумляйтесь.

Сердечно благодарим товарищей за доставленное неудовольствие. Поистине не часто приходится наблюдать такие фигуры высшего пилотажа юридической мысли...

М. ЛЬВОВ

АВАРИЙНАЯ ТАБЛИЦА

«Знайте правила движения,
Как таблицу умножения!»

Услышав по радио эти стишки, школьник Вова ехидно подмигнул маме и показал ей обыкновенную школьную тетрадку. На задней обложке тетрадки черным по синему было напечатано: « $7 \times 8 = 54$ », а немного правее « $8 \times 7 = 56$ ». Адрес изготовителя брака виднелся тут же: г. Владивосток, тетрадная фабрика комбината бытового обслуживания.

— Сын мой! — сказала мама. — С такой таблицей действительно далеко не уедешь. А поэтому, пользуясь ею, строго соблюдай одно из правил движения: дойдя до середины таблицы, не забудь посмотреть направо. Не то недалеко и до беды!

Б. СУСЛОВ

Дорогой Крокодил!

Рисунок М. СОКОЛОВА.

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

ДРУЖИЩЕ КРОКОДИЛ!

Нам, землякам великого Глинки, трудно удержаться от того, чтобы не поделиться с тобой своими опасениями.

Представь себе: двести лет со дня рождения гениального композитора исполнится в 2004 году, а Стодольщинский отдел культуры начал подготовку к этому юбилею лишь в 1952 году.

Что сделано за истекшее шестилетие? Подытожить не так уж трудно. Прежде всего бывший дом композитора с целью реставрации разобран до основания. Затем героическими усилиями районных деятелей культуры были возведены стены и изготовлены болты, которые должны связать потолок дома с балками.

Этот грандиозный размах, эти головокружительные темпы и заставляют нас тревожиться. Мы думаем, что при таких темпах даже наши внуки и правнуки не смогут быть счастливыми свидетелями того исторического момента, когда в этот дом ступит нога первого посетителя.

Н. ВАСИЛЬЕВ

дер. Шмаково,
Стодольщинского района,
Смоленской области.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Люди говорят: «Слово—серебро, молчание—золото».

У нас, педагогов и учащихся школы №4 рабочей молодежи, на этот счет имеется особое мнение.

За последние три года много раз мы обращались к управляющему трестом «Сталиногорскуголь» тов. Баранову, просили его обратить внимание на нашу великую тесноту и выделить нам хотя бы еще две комнатки—под класс и физико-химический кабинет. Исполком Каменецкого пос-

совета ходатайствовал о том же. Напрасный труд! Баранов и по сей день хранит гордое молчание.

Обращались мы и к начальнику комбината «Тулауголь» тов. Субботину. Тот же результат. Не зашелохнет, не прогремит...

Вот мы и просим тебя: помоги нам, попроси товарищей Баранова и Субботина разменять свое «золото» хотя бы на «серебро».

В. ТКАЧЕНКО

пос. Каменецкий,
Тульской области.

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Чем ты выметаешь сор из избы? Метлой? Веником? А где берешь веники? Нас, киевлян, этот вопрос очень интересует. Вот уже семь месяцев, как в Киев перестали доставлять веники. Ищем мы их по разным снабженческим организациям и не находим. Наша фабрика, например, обращалась в Киевхозторг, Укоопхозторг, Управление материально-технического снабжения, исполком горсовета, облпромснаб; писала руководителем ряда колхозов, директорам магазинов. Однако все выше перечисленные организации такими мелочами, как веники, заниматься не желают.

Потеряв надежду, обратились мы к начальнику отдела снабжения и сбыта Управления легкой промышленности Киевского совнархоза тов. Хейфецу.

— Да что вы?!— говорит.— Веник! Пустое дело! Раз плюнуть! — Не плюйте, товарищ Хейфец. Подмести-то ведь нечем.

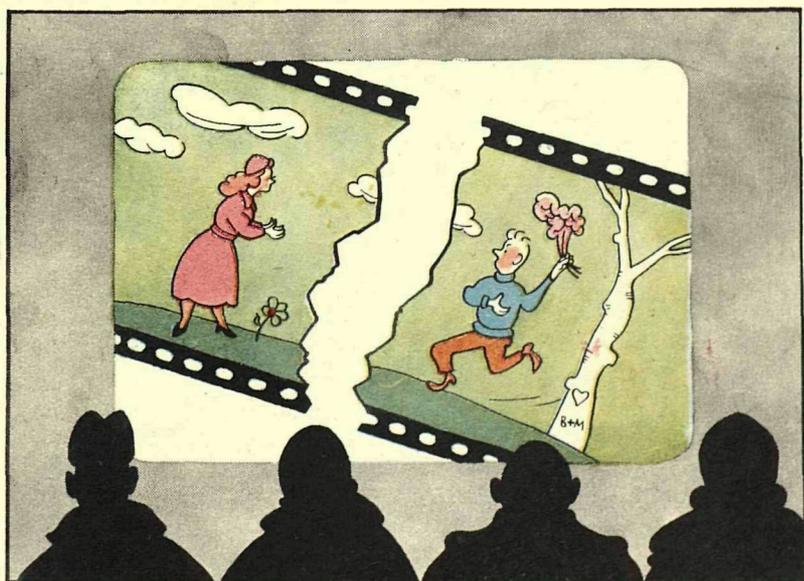
Не посочувствовал. Дорогой Крокодил! Найди, пожалуйста, виновников этого безобразия и хорошенько их пропарь, с веничком!

Ф. ЕВДАСИН,
начальник АХО обувной
фабрики № 4.

г. Киев.

ЗЛОЙ РАЗЛУЧНИК, или...

Рисунок М. ВАЙСБОРДА.

...киноповесть о бедных влюбленных.

— Всякому овощу круглый год время.

Рисунок И. СЫЧЕВА.

— Пронеси, нелегкая!..

Главный редактор—С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЯНИ, И. М. СЕМЕНОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Прием ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов. А 69349. Изд. № 1080. Подписано к печати 29/XI 1958 г. Формат бум. 70×108%. Заказ № 2810. Тираж 1.000.000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Рисунок КУКРЫНИКСЫ.

32729

Западные державы вооружают германских милитаристов, нарушая тем самым важнейшие пункты Потсдамского соглашения.

У
ОСА ЧЭП 12

Всесоюзная
Книжная палата
Обязат. экзempl.
1958 г.

ДЕСАНТ ДИВЕРСАНТА

КУКРЫНИКСЫ-58.

ЗАПАДНАЯ ЗОНА БЕРЛИНА